СОКОЛОВА Ирина Владимировна

канд. филол. наук, доцент кафедры русского языка и литературы Восточного института – Школы региональных и международных исследований, ДВФУ (г. Владивосток)
Электронная почта: isokol2010@yandex.ru

Особенности рецепции литературного текста в иноязычной аудитории: опыт сопоставительного анализа

УДК 82-3(470+519.3) doi: dx.doi.org/10.24866/2542-1611/2019-1/37-45

В статье выделены особенности рецепции литературного текста в иноязычной аудитории: факторы социально-исторического характера (эпоха, тип национальной культуры, особенности литературного процесса); культурно-языковые факторы (творческая индивидуальность автора, стиль, литературные нормы и коды, традиции); контекст бытия реципиента (возраст, личностные качества, жизненный опыт, объём его знаний, социальный, интеллектуальный и эмоциональный потенциал, способности к собственной интерпретации произведения). На примере произведений русского, японского и китайского писателей исследованы этнокультурные аспекты решения темы любви, своеобразие авторской позиции, художественные приёмы создания образной системы рассказов: рефлексия героя, принцип парности в системе образов, особенности нарративной структуры, хронотоп, мотивная организация главной темы.

рецепция,
интерпретации
художественного
текста,
современная
литература,
жанр рассказа,
межкультурная
коммуникация,
автор и герой,
повествовательная
структура текста,
диалог,
рефлексия

Современные реалии изменили место литературы в культурной парадигме жизни общества, её влияние на формирование личностного мира человека и функционирование социума. В процессе развития мировой культуры XXI века очевиден процесс утраты национальными культурами качества литературоцентричности. И тем не менее в жизни человечества XXI века с её устремленностью к глобализации по-прежнему актуален процесс диалога культур, расширения культурного пространства, развития в нём коммуникативного взаимодействия разнообразных национальных традиций.

Задачи литературы всегда определяются стремлением писателя создать образную картину мира, в которой по воле авторского замысла отражается социально-историческая, культурная парадигма жизни человека и общества той или иной эпохи, определённый национальный менталитет и, как говорил Л. Толстой, «жизнь сердца и интересы мысли» человека. При уникальности и самобытности литературы любого народа книги – это культурные коды, отражающие национальные представления и ценности, литературные произведения знакомят народы друг с другом и объединяют времена.

В мультикультурном пространстве современного мира большой интерес исследователей вызывает проблема инонациональной рецепции литературы, восприятия одной наци-

Статья подготовлена на основе доклада на всероссийской научно-практической конференции «Азиатско-тихоокеанские исследования: социум, культура, политика», проведённой Восточным институтом – Школой региональных и международных исследований ДВФУ 6 марта 2019 г.

Для цитирования:
Соколова И. В. Особенности рецепции литературного текста в иноязычной аудитории: опыт сопоставительного анализа // Известия Восточного института. 2019. № 1. С. 37–45. doi: dx.doi.org/10.24866/2542-1611/2019-1/37-45

¹ В Интернете можно посмотреть, каким рисунком дети интерпретируют строки А. Пушкина «Бразды пушистые взрывая, / Летит кибитка удалая. / Ямщик сидит на облучке / В тулупе, в красном кушаке». Только слова «пушистые», «взрывая», «летит», «сидит» понятны большинству читателей.

ональной литературы сквозь призму другой. Образовательная среда также актуализирует её. Тексты произведений разных национальных литератур есть объекты многомерного осмысления – в той культуре, к которой они принадлежат, и в инациональных культурах. Результат восприятия читателем-иностранцем всегда значительно отличается от результата внутринациональной рецепции. Отметим сразу, что идеальным форматом является чтение произведения в подлиннике. Но язык оригинала недоступен многим читателям, поэтому переводческая версия, способствуя анализу текста, расширяет рамки существования произведения как компонента мировой литературы и создаёт иной объём интертекстуального пространства.

Проблема адекватности в рецепции литературного текста всегда актуальна, особенно в иноязычной аудитории. Необходимо учитывать некоторые аспекты. В изучении произведений литературы несомненна роль факторов социально-исторического характера (эпоха, тип национальной культуры, особенности того или иного этапа исторического и литературного процесса) и культурно-языкового (творческая индивидуальность автора, стиль, литературные нормы и коды, традиции). Также важен контекст бытия реципиента (возраст, личностные качества, жизненный опыт, объём его знаний, социальный, интеллектуальный и эмоциональный потенциал, способности к собственной интерпретации произведения).

Можно отметить, что молодые читатели XXI века уже затрудняются в восприятии произведений отечественной классической литературы: непонятны не только реалии эпохи, но и язык, стиль художественных текстов требуют дополнительных комментариев¹. Главной особенностью восприятия современной литературы является, на наш взгляд, отсутствие продолжительной временной дистанции, узнаваемость социокультурных реалий. Если восприятие читателем фактов иноязычной культуры в литературном произведении осложнено национально-специфическими различиями, существующими между родной и чужой культурами и языками, то интерпретация текста представляет собой процесс постижения его смыслов, своеобразное взаимодействие внутреннего мира литературного произведения и мира читателя в широком контексте мировой культуры. Эффективность коммуникации во многом определяется способностью читателя интеллектуально и эмоционально включаться в диалог с автором.

Опыт работы в студенческой и аспирантской аудитории позволяет выявить некоторые исследовательские и методические аспекты изучения восприятия произведения литературы в иноязычной среде. В данном случае нами учитывается практический опыт работы с русскими студентами, магистрантами и аспирантами, с корейскими, китайскими и японскими студентами, стажёрами и аспирантами. На наш взгляд, важное значение имеют принципы отбора литературы для анализа на занятиях. Для работы с иностранными студентами и аспирантами учитываются объём произведения (он не должен быть большим для возможности целостного анализа текста), жанровый выбор (чаще это небольшая повесть, рассказ, миниатюра), проблемно-тематический аспект, ориентированный на горизонт ожидания аудитории, высокий художественный уровень текста, а также возрастные характеристики аудитории, в некоторых случаях и её интерес к особым аспектам тематики и проблематики литературы. Возможности

сопоставительного анализа произведений разных национальных литератур, схожих по тематике, позволяют увидеть черты общности и различия в художественной трактовке тем и образов.

В последнее время активизировался интерес российского читателя к произведениям представителей культуры стран Азиатско-Тихоокеанского региона, в частности, к литературам Китая, Японии, Кореи. Между культурами народов России и этих стран происходит постоянный информационный обмен в области культуры. Особо следует отметить, что возрастает взаимный интерес не только, как это было традиционно, к произведениям национальной классики, но и к современной литературе².

Сопоставительный анализ произведений современных авторов разных стран позволяет увидеть как общность проблематики, так и этнокультурную специфику художественных решений авторов. Интересны для анализа авторские художественные решения вечных тем литературы. Вечные темы в мировой литературе – это скрепы, объединяющие процессы создания текста, его восприятия и интерпретации. Они при помощи интертекстуальных связей создают широкий мультикультурный литературный контекст. Мотивная организация вечной темы в конкретном произведении есть способ проявления в созданной художественной картине мира индивидуально-неповторимого авторского взгляда на человека.

Одной из таких тем является тема любви, имеющая огромный объём художественных решений в мировой литературе. Очевидно, что в молодёжной аудитории эта тема вызывает живой интерес. Сюжетно тема любви в литературе имеет множество коллизий: первая любовь, тайна любви, ожидание любви, мечты о гармонии, сложность любовных отношений, любовь-страсть, любовь-страдание, одухотворённость чувств и их разрушительная сила, любовные игры, проза любви, неизбежность расставания, разлука, воспоминания о минувших чувствах, мотив зыбкости отношений, мотив одиночества и т. д.

В рассказах Би Фэйюй «Радуга» [5, с. 383–390], Чжан Юэжань «Красные туфельки» [2, с. 74–101], Хань Шаогунь «Сорок третья страница» [5, с. 249–266], Шаньпо «Ночная сиделка» [5, с. 404–427], Го Вэньбинь «Счастье и благодать» [5, с. 339–358], Вэй Вэй «Женщина Да Лаочжэна» [5, с. 295–319], А И «Обычные люди» [2, с. 350–363], Сюй Кунь «Кухня» [6, с. 399–425], в рассказах Тэру Миямото «Сжечь лодку» [3, с. 5–16], «Украдёшь шоколаду?» [3, с. 17–32], «Горячая кола» [3, с. 64–77] и др. этнокультурные мотивы определяют разнонаправленность художественных решений традиционных тем любви, счастья, семьи, человеческих отношений. Читательское восприятие некоторых текстов (Шаньпо «Ночная сиделка», А И «Обычные люди») начинается с ознакомления с содержательным планом, непривычным русскоязычному читателю. Многие реалии жизни, обычаи, отношение к происходящему, способы выражения чувств и эмоций героев в ряде случаев неожиданны для нашего читателя. Следующий этап восприятия – это осмысление и анализ принципов и приёмов создания художественной реальности, образов, воспроизведения национальной картины мира. Переходным этапом к интерпретации текста является осознание авторской логики изображения общечеловеческих доминант в национально мотивированных темах, образах и мотивах текста, в его хронотопе. «Многослойность» рецепции требует от чита-

² В последние годы в России были изданы произведения современных авторов стран АТР, среди которых назовём следующие публикации: антология современной китайской прозы «Багровое облако» (2007); Сорок третья страница. Китайская проза XXI века (2011); Много добра, мало зла. Китайская проза конца XX – начала XXI века (2013); Красные туфельки. Сборник произведений молодых китайских писателей (2014). Во второй половине XX – начале XXI вв. российский читатель получил возможность узнать творчество современных писателей Японии, не только Рюносэ Акутагава и Кавабата Ясунари, но и Макоето Сиина, Тэру Миямото, Харуки Мураками, Хисаки Мацуура, Масахико Симата, Каори Экуни и некоторых других. К сожалению, следует отметить, что знакомство это состоялось по очень немногочисленным, за исключением книг Харуки Мураками, переводам произведений этих авторов на русский язык. Рассказы современных корейских писателей регулярно публикуются в журнале Koreana.

³ Более сорока лет в литературном процессе Японии известно имя Тэру Миямото, очень популярного писателя. В России впервые творчество Тэру Миямото стало известно через кинематограф: в 1981 году на Московском кинофестивале завоевал приз фильм, снятый по его повести «Мутная река». Кроме этой повести на русский язык были переведены рассказы писателя, его роман «Узорчатая парча». Проза Миямото Тэру практически не становилась предметом литературоведческого исследования в России.

теля не только знаний национально-культурной парадигмы, но и погружённости в текст, активного осмысления предложенных авторами художественных решений.

Примером может служить обращение к анализу темы любви в творчестве русского писателя Юрия Казакова (1927–1982), японского прозаика Миямото Тэру (р. 1947)³ и китайской писательницы Сюй Кунь (р. 1965). Рассказ Юрия Казакова «Двое в декабре» и рассказы Миямото Тэру «Сжечь лодку» и Сюй Кунь «Кухня» (в переводе на русский язык) дают возможность русским, китайским, корейским студентам и аспирантам увидеть этнокультурные аспекты решения темы любви, своеобразия авторской позиции, художественные приёмы создания образной системы рассказа. Можно предположить, что ни один из этих писателей не был знаком с творчеством друг друга, хотя они являются авторами литературного процесса второй половины XX – начала XXI вв. Тема любви в этих произведениях есть способ проявления в созданной художественной картине мира индивидуально-неповторимого авторского взгляда на человека и также национального колорита. В результате анализа выявляется общность некоторых художественных решений авторов.

Рассказы объединяются схожестью художественного смысла: суть отношений мужчины и женщины в ситуации несостоявшейся любви, нереализованных надежд, потенциального или реального расставания. Тема любви в этих рассказах решена, на первый взгляд, парадоксально, через оппозицию мотивов: любовь – «нелюбовь», встреча – расставание, мгновения и вся жизнь. Герои переживают ситуацию разлада с собой, с партнёром, с жизнью. Несмотря на молодой возраст (25–35 лет) герои оказываются в ситуации итога, которая требует от них осмысления своего прошлого, настоящего, а также жизненных перспектив. Тема любви реализуется в мотивном комплексе: диалектика отношений без искренних любовных чувств, несовпадение надежд, проза отношений, встречи и расставания, воспоминания о прошлом и др.

В каждом рассказе ограничен фабульный ряд (поездка в лес или на море, вечер вдвоём). При сохранении внутреннего драматизма ситуации события лишены внешней динамики (это просто перемена мест, выход героев за пределы обыденной жизни). Финал каждого рассказа – расставание героев, скрытое у Ю. Казакова, эмоционально напряжённое, продублированное расставанием другой пары (хозяев гостиницы, где остановились главные герои) в рассказе Миямото Тэру и катастрофическое для оскорблённой мужчиной героини Чжицзы в рассказе «Кухня».

В системе образов всех трёх рассказов авторами используется принцип парности героев: герой и его любовница Тамаэ, герой и его жена, хозяин гостиницы и его жена в рассказе «Сжечь лодку»; он и она у Ю. Казакова; мужчина и женщина в рассказе Сюй Кунь. В каждом рассказе по-особенному выстроена иерархия взаимоотношений героев. Особенно остро противопоставлены герои рассказа «Кухня»: логика желаний героев выстроена автором на контрасте.

Нарративная структура текста сформирована тем, что всё происходящее в рассказе дано сквозь призму восприятия героев. Писатели организуют повествование точкой зрения персонажа, используют принцип смены повествователя. Особенно отчётливо это просле-

живается в рассказе «Двое в декабре», в котором автор не наделяет героев именами, ограничиваясь местоимениями «он» и «она», практически чередуя абзацы от лица каждого из героев. На пересечениях внутреннего потока мыслей и чувств мужчины и женщины и их поступков выстроена повествовательная структура текста рассказа «Кухня». А в рассказе «Сжечь лодку» доминирует повествовательный план героя-мужчины.

К интересным выводам приводит сопоставительный анализ названий текстов. Название рассказа Юрия Казакова «Двое в декабре», обозначая персонажей и время действия, ассоциативно выстраивает в сознании читателя картину одиночества, холода, изолированности и ситуативной финальности, завершённости отношений героев: «солнце стало низко, и только одни поля на вершинах холмов сияли еще; леса же, долины и овраги давно стали сизеть и gloхнуть, и по-прежнему по необозримому пространству лесов и полей двигались две одинокие фигурки – он впереди, она сзади...» [1, с. 325], «он понял вдруг, что совсем ее не знает... И что она для него загадочна, как и в первую встречу, незнакома, что он, наверное, груб и туп для нее, потому что не понимает, что ей нужно, и не может сделать так, чтобы она была постоянно счастлива с ним, чтобы ей уж ничего и никого не нужно было... Горько ему стало, потому что он чувствовал: она от него уходит. Что-то не выходило у них со счастьем, но что, он не знал и злился» [1, с. 327].

Рассказ японского писателя мог бы называться «Двое в декабре», так как это название соответствует вектору авторских интенций. Но императивная форма названия «Сжечь лодку» ориентирует читателя на неминуемое расставание героев в финале. Уже в названии рассказа Миямото Тэру «Сжечь лодку» как сильной позиции текста заявлен один из традиционных символов культуры – образ лодки. В образе лодки, как и в связанных с ним образах моста, реки, воды, синтезируются идея движения, жизненного потока и японская идея имманентной красоты брэнного мира. Также лодка – это символ и хрупкости человеческой жизни в безграничном морском пространстве, и защиты человека. Заложенная в названии мысль о необходимости сжечь, т. е. похоронить лодку (вспомним буддийский похоронный обряд), сразу определяет ракурс тематики произведения.

Нарочито прозаическое для рассказа о любви название «Кухня» заставляет в процессе анализа увидеть многосложность этого концепта китайской культуры. Неслучайна первая фраза текста: «Кухня – отправной и конечный пункт назначения в жизни женщины» [6, с. 399]. Начальное описание кухни в рассказе спроецировано на тему предназначения женщины: «Все эти кухонные цвета, запахи, вкусовые оттенки и утварь втихомолку ведут длинную летопись всей женской жизни» [6, с. 400]. Поэтому в этом описании художественно уместно обилие цветowych эпитетов («белоснежная посуда», «красный или фиолетово-чёрный оттенок вина», «прозрачный синий костерок огня», «белёсая дымка», «светло-зелёная кисея», «иссиния-чёрное или золотисто-жёлтое облачко... если готовится каша из фиолетового риса» [6, с. 400] и т. д.).

Мотивный комплекс темы любви формирует и объём художественного времени в тексте. Хронотоп рассказов отличается внешней локальностью (несколько декабрьских дней в ограниченном

пространстве в рассказах Юрия Казакова и Миямото Тэру и вечер дня рождения героя в рассказе «Кухня»). Но вместе с тем очевидно и стремление каждого автора к контекстуально важным отсылками ко всей жизни героев. В рассказе Ю. Казакова воспоминания героя о первой совместной поездке в Эстонию эмоционально окрашены («... в Москве зарядили дожди, здесь было чисто и светло, восходило солнце, беленькие домики, острые красные черепичные крыши, обилие садов, глушь и тишина и заросшие курчавой травкой между камнями улицы. Они поселились в чистой, светлой комнате, везде там, по подоконникам, под кроватью и в шкафу лежали, зрели антоновские яблоки и крепко пахли» [1, с. 323]. Семантически окрашенные эпитеты подчёркивают светлый момент отношений героев. В рассказе Миямото Тэру постоянен мотив семейных отношений героя: отношения с женой, с родителями жены, с её братом. Героиня рассказа «Кухня» «постоянно находилась в окружении многочисленной свиты галантных мужчин. Она шествовала, высоко задрав нос, и втайне очень остерегалась угодить в какую-нибудь ловушку, где её могли соблазнить и использовать в своих интересах. А тут она по собственной инициативе пришла на порог к мужчине» [6, с. 405–406].

Во всех текстах развитие сюжетных коллизий определено мотивом возвращения. Герои Ю. Казакова вернутся в сутолоку московской жизни: «Когда они вышли на вокзальную площадь, горели фонари, шумел город, а снег уже успели убрать, увезти, и они оба почувствовали, что их поездки как и не было, не было двух дней вместе, что им нужно сейчас прощаться, разъезжаться каждому к себе и встретиться придется, может быть, дня через два или три. Им обоим стало как-то буднично, покойно, легко, и простились они, как всегда прощались, с торопливой улыбкой, и он ее не провожал» [1, с. 429]. В рассказе «Сжечь лодку» героиня вернётся домой, к отцу, расставшись со своим любовником: Тамаэ сняла с руки и резким движением бросила в тлеющие остатки лодки тонкий золотой браслет, который я подарил ей на день рождения» [3, с. 16]. Героиня «Кухни» – женщина, «потерпевшая полное фиаско», будет жить с «холодным опустошением в душе» [6, с. 423].

Приёмы обрисовки внутреннего мира персонажей создают достаточно напряжённый объём рефлексии героев, драматическое поле их чувств и переживаний (особенно в рассказе «Кухня»). Объединяет все рассказы мотив игры как средство раскрытия внутреннего мира героев. Здесь нет искренних чувств, страстей, спонтанных поступков. Все герои-мужчины в рассказах мечтают о покое и комфорте, а не о любви. Герои-конформисты выполняют правила игры, принятые для себя в отношениях, расплачиваясь за это обманом и несостоявшейся любовью.

Несмотря на схожесть некоторых авторских решений, всё-таки развитие темы любви ориентировано в каждом тексте на национальную традицию. Смысл отношений мужчины и женщины выражен через особенности разных национально-культурных традиций. Рассказ «Сжечь лодку» для русского читателя синтезирует в себе слияние японской ментальности в процессе создания текста и европейской в процессе восприятия и интерпретации. В новеллистике Миямото Тэру тема любви является одной из ведущих, основана на системе мотивов, некоторые из которых становятся лейтмотивами всей прозы

писателя. В художественной реализации этой темы отчётливо выступают традиционные черты японской культуры, лишённой футуристических отказов от наследия прошлого: национальная ментальность автора и его героев, поэтика намёка, философский подтекст пейзажных описаний. В сюжетном развитии рассказа нет коллизий любовного треугольника – «муж-жена-любовница». Автор фиксирует, что герой-повествователь и его любовница не испытывают любви как глубокого чувства или безудержного страстного порыва. У них нет долгой истории взаимоотношений, нет борьбы друг за друга, нет желания быть вместе во что бы то ни стало, они «уже поднадоели друг другу» [3, с. 6]. Но вместе с тем в описаниях чувств героя проявляется свойственный японской национальной стихии эротический тон деталей любовных отношений: «Я любил ощущать, как тело Тамаэ покрывается мелкими бисеринками пота в тот момент, когда она достигала той непостижимой точки во время нашей близости... Мне казалось, что я продолжаю встречаться с Тамаэ не потому, что я испытываю чувственное влечение к ней, а потому, что снова хочу ощутить тот момент, когда всю её обволакивают эти маленькие, словно лёгкий туман бисеринки» [3, с. 8].

Ещё в средневековой японской литературе сложился культ переживания героем любовных мгновений. Своеобразная философия гедонизма и эстетизма проецировала отношение к любовным утехам как к прекрасным мимолётным мгновениям жизни, которые следует не только ловить, но и потом сохранять в воспоминаниях, потому что именно мгновенность переживаемого в жизни и составляет её суть. Через такую деталь, как бисеринки пота, читатель ассоциативно выстраивает образный ряд: бисеринка – капля – слеза. Это наполняет описание любовных встреч героя его чувством грядущего расставания, спроецированного на будущие эстетически утончённые воспоминания о прошедших днях любви. Истинным драматизмом чувств наделены другие герои рассказа «Сжечь лодку» – хозяин гостиницы и его жена. Приём параллелизма при изображении этих двух пар позволяет Миямото Тэру сопоставить их, усложнить мотивацию поступков героев, расширить ассоциативное поле изображаемого. Важно подчеркнуть, что именно владелец гостиницы и его жена жгут свою лодку, т.е. действуют, Тамаэ, расставаясь, решительным жестом бросает в костер золотой браслет, подаренный любовником, а герой-повествователь до последнего момента остаётся наблюдателем. В кросс-культурном контексте русской и японской литератур обнаруживается внутреннее единство тех рассказов Юрия Казакова и Тэру Миямото, в которых тема любви является ведущей. Тексты этих писателей-современников объединяет лирическое начало с доминантой рефлексии героев-мужчин, ассоциативность повествования, стремление к постижению тайн человеческого бытия, а не к банальным развязкам. В рассказе Сюй Кунь автор в героине воплощает образ современной женщины Китая, способной сделать свой выбор, определяющий её жизненные ценности. Чжицзы, не удовлетворённая долей хранительницы семейного очага, ищет иные пути реализации своей судьбы. Но, сделав успешную карьеру, героиня изменила вектор своих желаний. В авторской характеристике Чжицзы – этот «редкий цветок, после бурного роста и прочного укрепления своего социального статуса и положения, вопреки всему не хотел произрастать в откры-

том грунте, желая всем сердцем вернуться в лоно теплицы, он жаждал возвращения в дом, от которого его когда-то со столь беззаветной решимостью отторгли» [6, с. 402]. Очень выразительно в рассказе изображена хрупкость истинных чувств и желаний сильной женщины. Акцентная деталь финала (мешок мусора в руках героини) обостряет коллизии любовной темы в рассказе. Внутренний монолог Чжицзы, нюансировка её чувств, портрет и многокрасочные цветовые описания интерьера дома, а также интересные детали есть способы создания этого женского образа, активно используемые автором. Можно предположить, что осознанным авторским решением является то, что образ мужчины в рассказе дан нарочито однозначно.

Читатель как интерпретатор литературного текста, обладающий определённым набором личностных качеств, возрастным жизненным опытом, эмоциональным настроем, является важным звеном диалоговой структуры литературной коммуникации. В целом можно сделать вывод о том, что предложенные тексты вышеназванных авторов хорошо воспринимаются аудиторией и анализ их вызывает интерес студентов и аспирантов. Самым «нейтральным» для читательского восприятия является рассказ Ю. Казакова. К хорошим результатам приводит работа студентов-иностранцев над стилем автора, некоторые содержательные аспекты требуют минимального комментирования преподавателем. Более подробные пояснения о китайских и японских национальных традициях необходимы российскому читателю рассказов Сюй Кунь и Миямото Тэру. Опыт прочтения и сопоставительного анализа произведений современных национальных литератур, даже в ограниченном художественном контексте, позволяет выявить межлитературные параллели между произведениями разных писателей, увидеть национальную самобытность авторов, традиции культуры, актуальность вечных для художественного творчества проблем и тем в их общечеловеческом и национально-историческом, содержательном и художественном аспектах.

Литература

1. Казаков Ю. Двое в декабре // Казаков Ю. Рассказы. – М.: Известия, 1983. С. 320–329.
2. Красные туфельки. Сборник произведений молодых китайских писателей: Пер. с кит. яз. / Отв. ред. А. А. Родионов; Сост. Н. Н. Власова, И. А. Егоров, А. А. Родионов. – СПб.: Институт Конфуция в СПбГУ, КАРО, 2014. 368 с.
3. Миямото Тэру. Собаки в разгар лета. Рассказы и повесть. Пер. с яп. М. Г. Жанцановой. – М.: Издательская фирма «Восточная литература» РАН, 2000. 144 с.
4. Много добра, мало зла. Китайская проза конца XX – начала XXI века: Пер. с кит. яз. / Сост.: А. А. Родионов, Н. Н. Власова, И. А. Егоров. – СПб.: Институт Конфуция в СПбГУ, КАРО, 2013. 464 с.
5. Сорок третья страница. Китайская проза XXI века: Пер. с кит. яз. / Сост.: А. А. Родионов, Н. А. Спешнев. – СПб.: КАРО, 2011. 432 с.
6. Сюй Кунь. Кухня // Современная китайская проза. Багровое облако: антология, составленная Союзом китайских писателей – М.: АСТ; СПб.: Астрель-СПб, 2007. С. 399–425.

Irina V. SOKOLOVA

Ph. D. (in Philology), Associate Professor, Department of Russian Language and Literature, Oriental Institute – School of Regional and International Studies, Far Eastern Federal University (Vladivostok, Russia)
E-mail: isokol2010@yandex.ru

Features of the Reception of a Literary Text in a Foreign Language Audience: an Experience of Comparative Analysis

UDC 82-3(470+519.3)

doi: dx.doi.org/10.24866/2542-1611/2019-1/37-45

The paper highlights the features of the reception of a literary text in a foreign language audience: factors of a socio-historical nature (epoch, type of national culture, features of the literary process); cultural and linguistic factors (creative individuality of the author, style, literary norms and codes, traditions); context of the recipient's life (age, personal qualities, life experience, amount of his/her knowledge, social, intellectual and emotional potential, ability to self interpret the literary work). Using the works of Russian, Japanese and Chinese writers as examples, the ethnocultural aspects are studied in connection with the theme of love, the originality of author's position, the artistic methods of creating a figurative system of stories, namely: the self-reflection by the character, the principle of pairing in the system of images, the narrative structure specifics, the semantics of names, the chronotope, the motive-related arrangement of the main theme.

*reception,
interpretation of a
literary work,
contemporary literature,
genre of the story,
intercultural
communication,
author and character,
narrative structure of the
text,
dialogue,
reflection*

For citation: Sokolova I. V. Features of the reception of a literary text in a foreign language audience: an experience of comparative analysis // Oriental Institute Journal. 2019. № 1. P. 37–45. doi: dx.doi.org/10.24866/2542-1611/2019-1/37-45

References

1. Kazakov YU. Dvoe v dekabre // Kazakov YU. Rasskazy. – M.: Izvestiya, 1983. S. 320–329.
2. Krasnye tufel'ki. Sbornik proizvedenij molodykh kitajskikh pisatelej: Per. s kit. yaz. / Otv. red. A. A. Rodionov; Sost. N. N. Vlasova, I. A. Egorov, A. A. Rodionov. – SPb.: Institut Konfutsiya v SPbGU, KARO, 2014. 368 s.
3. Miyamoto Tehru. Sobaki v razgar leta. Rasskazy i povest'. Per. s yap. M. G. Zhantsanovoj. – M.: Izdatel'skaya firma «Vostochnaya literatura» RAN, 2000. 144 s.
4. Mnogo dobra, malo zla. Kitajskaya proza kontsa XX – nachala XXI veka: Per. s kit. yaz. / Sost.: A. A. Rodionov, N. N. Vlasova, I. A. Egorov. – SPb.: Institut Konfutsiya v SPbGU, KARO, 2013. 464 s.
5. Sorok tret'ya stranitsa. Kitajskaya proza KHKHI veka: Per. s kit. yaz. / Sost.: A. A. Rodionov, N. A. Speshnev. – SPb.: KARO, 2011. 432 s.
6. Syuj Kun' Kukhnya // Sovremennaya kitajskaya proza. Bagrovoe oblako: antologiya, sostavlennoy Soyuzom kitajskikh pisatelej – M.: AST; SPb.: Astrel'-SPb, 2007. S. 399–425.